

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ИВАНА МИНТЯКА «ДВА ТОПОЛЯ»

ARTISTIC-PSYCHOLOGICAL ASPECT IN THE WORK OF IVAN MINTAKA «TWO POPLARS»

R. Tataeva

Summary. The article reveals the content of the illusions of «space» as a key concept in the understanding of the world of Ivan Mintaka. The subject of the article is the image of the poplars and fire (the story of «Two poplars»). The main interest is paid to the discovery of the structure of the image, which is the basic boundaries of the artistic space (farm, village, outskirts), created by the author, complexes of motivations, form the semantics of nature. The whole intuition of the specificity of the image is the potential perception of the artistic intention (plan) and creative plans of the author.

Keywords: psychological, sensuality, concept, philosophy of nature, landscape lyrics, symbolism.

Татаева Ровзан Бовкиевна

*К.филол.н., доцент, Чеченский государственный педагогический университет
liza.tataeva@yandex.ru*

Аннотация. Статья раскрывает контент иллюзий о «пространстве» как ключевая концепция миропонимания Ивана Минтяка. Предметом рассмотрения в статье является образ тополей (рассказ «Два тополя»). Основным интересом уделяется обнаружению структуры образа, объединившего в себя базисные границы художественного пространства (хутор, аул, околица), создаваемого автором, комплексам мотиваций, формирующим семантику природы. Целевая интуиция специфики образа — это потенциал восприятия художественной интенции (замысла) и творческих планов автора.

Ключевые слова: психологический, сенсуальность, концепция, философия природы, пейзажная лирика, символика.

*Язык есть исповедь народа:
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной.*

П. Вяземский.

Творчество чеченских русскоязычных писателей советского периода, обусловленное визуальным отображением действительности и провинциально-лимитированным мелкотемьем, из-за политических регламентов, с годами определило художественный стимул перспективного молодого поколения. Это был период «современного реализма», существенно изменивший статус литературы как «священного звена конфессий и народов», предоставивший потенциал творить на уровне западноевропейских мастеров слова.

Интенсивная динамика исследования проблем современника в чеченской прозе в 80 гг. XXв. значительно расширила тематику и вероятность создания универсальных характеров; отобразила полифонию эпохи. Одновременно, наметилась специфическая тенденция изучения духовной природы частного индивидуума и абсолютного романтика, насыщенная авторскими дефинициями легкого апломба фанатерии, преломляющиеся о диффузию реальности.

Современная литература от классической, дифференцирована стремлением изобразить модель иде-

ального мира, что не является целью акцентирования собственного таланта и миссионерства. Вероятно, это попытка демонстрации единого знаменателя посредством релаксации, пусть и аппроксимативно, но обращающее общество к модифицированному мирскому катарсису и блаженству.

Действующие лица их повествований находятся в перманентной фрустрации, которая непосредственно воздействует на рецензента, лишая возможности проникнуть в аутентично-эмоциональное ощущение героев, усиленное гиперболизированным сознанием. При этом обозначена парадигма неоромантизма — нового метода национального и индивидуального своеобразия в изображении героев и эмоций, пронизанного идеализированной действительностью, фееричностью, фикцией и мечтательной созерцательностью. Подобные целевые ориентиры молодых художников, скорее, описание — элизиума, к которому стремятся их герои, нежели — эмпатии.

В 90 гг. XXв. писатели, апеллируя к психологическим, религиозно-философским мотивам в рамках «модерна», устремились к духовно-этическим вехам развития. События в их текстах раскрываются вне зависимости от фатума, а от шанса, т.е. персонажи существуют произвольно, из-за отсутствия устойчивых канонических знаний судьбы. Это расстояние тождественно автономной динамике: от поступка до пространственного хаоса.

Современные российские лингвисты и литературоведы отмечают, что русскоязычная ветвь в этнолингвистической литературе нуждается в основательном изучении (М.М. Ауэзов, Н.Л. Лейдерман, И.С. Хугаев, Е.Н. Кремер, С.А. Гринберг и др.). Русскоязычные тексты авторов Чечни доказывают концепцию ученых: «Творящий на «приобретенном» языке автор выступает субъектом национальной культуры». [3, с. 204] Аргументируя выводы, рассмотрим творчество талантливого чеченского русскоязычного поэта-педагога, переводчика и журналиста Ивана Ивановича Минтяка.

И.И. Минтяк создал лаконично-рельефные художественные образы, характерные для чеченской культуры, отобразив их на русском языке, синкретизируя архетипы этнокультурного кода нации. Художественно-психологическая аксиология произведений талантливого педагога, поэта, переводчика и журналиста Ивана Ивановича Минтяка определяет, авторскую сенсуальность, доставляя реципиенту чувство эстетического наслаждения — катарсис. Примечателен в предоставленном аспекте принцип В.В. Кандинского о потенциальном доминировании искусства над человеком: «Истинное произведение искусства возникает таинственным, загадочным, мистическим образом из художника. Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным духовно дышащим субъектом, ведущим также и материальную жизнь; оно, как каждое существо, обладает дальнейшими созидательными, активными силами. Оно живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы...» [1, с. 99], способствует трансляции писательского ощущения «пространства» посредством языка.

Контент иллюзий о пространстве является ключевой концепцией мировоззрения автора, соответствующей общим закономерностям системы взглядов на природу и общество. Пессимистические настроения в творчестве И. Минтяка это сложные психологические чувства и мысли, обнаруживающие восприятие мировой скорби о «... краткости жизни. ...». [4, с. 228] Иначе, мировоззрение Минтяка — это совокупность эстетического сознания образно-выраженных и эмоционально пережитых чувств относительно прекрасного и безобразного, возвышенного и трагического, посредством искусства.

В произведении «Два тополя» И. Минтяк вспоминает о родителях; рисует картины своего детства, родного хутора, околицы. Рассказ насыщен аллегорическими мотивами, обнаруживающих выразительность авторских идей; его ощущения прошлого с размышлениями о будущем через настоящее.

Символика естества — природы в творчестве И. Минтяка существует и функционирует одновременно с инди-

видуумом, обнаруживаясь не только фоном, на котором разворачиваются лирические события, но и сенсуально-автономным и интеллектуальным психоконтентом «героя». Изображается это столь непринужденно, что иная альтернатива, для автора исключена, поскольку И. Минтяк высоко ощущал личное родство с окружающим миром.

Судьбоносная история старого тополя (райское дерево) неизвестна, а новый тополь (земное дерево) высажен юным героем с отцом вернувшегося с войны продолжает мысль о континууме человеческого рода: «Я смотрю на него и думаю, хорошо, что у меня есть два тополя, один из которых растет на околице всю жизнь, а другой, что восходит над всей деревней — я посадил». [5, с. 3]

Авторская идиллия — праздник духовного союза отца и сына, их единение с окружающим миром, скрывает трагедию войны. Герои в поиске спасения от отчаяния отстраняются от греха и обретают вечное блаженство. Душа человека в этом произведении обнаруживает способность возвыситься над болью и горечью обид, преодолеваемые им чувством причастности к исполинским явлениям природы и истории.

В подстрочнике рассказа И. Минтяка доминирует не картина войны, а тема сломленных судеб. Такого рода психологические моменты придают рассказу глубину, создают особую тональность. Интересен рельефный образ матери, преломляющийся в образе сына, не думающего о сложности мира и душевном волнении матери за отца, вернувшегося с фронта инвалидом.

О реальном месте войн и революций в судьбах людей задолго до Второй мировой войны писали О. Бальзак, Г. Флобер, Э. Золя, В. Гюго, полагая, что именно в экстремально-боевой обстановке совершеннее выявляются характеры героев. Они в один голос противостояли войнам и кровавой бойне, сотрясающей мироздание. Тем не менее, большинство писателей, будучи пацифистами, отстаивали идеи космополитизма (Т. Шевченко, Ф. Стендаль, М. Зоценко, А. Полежаев), видимо, отсюда неисчерпаемость их ревностного внимания к войне. Следовательно, подобного рода пограничные отношения писателей к проблеме войны внушают читателю мысль о том, что одни художники тяготеют к пацифизму.

Безусловно, большинство писателей, изобразивших войну, не были участниками военных баталий, тем не менее, этот факт не лишает их права исследовать и порицать апологетику войны. Этот «пробел» в биографиях В. Скотта, Ф. Купера, Г. Сенкевича, П. Мериме, Е. Чебалина, Х. Ошаева не мешал им, равно как В. Быкову, И. Бабелю, М. Шолохову, К. Симонову, Э. Ремарку, А. Барбюсу,

Э. Хемингуэю, Г. Бакланову и другим писателям, исследовать скрытые механизмы военных конфликтов. Они с философской точки зрения представили реципиенту «противостояния противоборствующих сил, человеческих характеров, деяний, всплесков эмоций, обнаружения той призрачной грани, за которой одному позволено лишать жизни другого». [2, с. 31]

В сюжетно-композиционной основе рассказа И. Минтяка объединены реставрированный исторический пласт и частные судьбы героев. Но самоценностью рассказа является то, что автор создал «узнаваемых» героев даже на современном этапе.

Драматизм рассказа «Два тополя» И. Минтяка усилен душевной болью утраты прекрасного прошлого, яркими воспоминаниями пережитого. Однако мрачные тона смягчены красочностью изображения родной природы. «Тонкая нега» — основной «обертон», сообщающий повествованию особенно задушевную, неповторимую поэтическую минтяковскую интонацию.

В рассказе И. Минтяка «Два тополя» прослеживается соединение поэтической и эпической мысли: «Поэзия пошла на смелое сближение с прозой. Она беллетристична, она содержательна, существенна, земна» [6, С. 3]. «Активное восприятие читателями определенной эпохи той или иной тональности, выраженной в нем, за счет известного приглушения других, естественно, сказывается и непонимании сущности основных коллизий произведения, особенностей его образов и содержания». [8, с. 222]

Лирические отступления Ивана Минтяка в рассказе «Два тополя» с первых строк насыщены силой авторского таланта, которые визуально сняли и зеркально отразили историческую дистанцию между героями и читателем. Параллельно в рассказе «Два тополя» автором рассматривается совокупность эпических мотивов, объединенных типологически с ранней моделью героя-воина-солдата.

Сравнительное исследование мотивов в рассказе «Два тополя» делает возможными дискуссии о трансформации образной системы, демифологизации сюжета, появлении деталей социальной мотивировки фольклора близких литературным формам, повествовательной структуры. Так, традиционный образ героя-воина-солдата, определенный художественно-психологическим аспектом, анализируются автором в субъектно-объектном контексте.

Анализ корреляции субъекта и объекта в рассказе «Два тополя» выявляет эволюцию минтяковской художественной организации в направлении новых отношений автора и героя. Обнаруживает тождественность созна-

ний автора и героя на, уход от открытой морально-нравственной оценки.

Искания героев себя и правды свидетельствуют о том, что автор погрузился в исследование психологизма, из которого вытекает, что к власти во все времена стремились люди не совсем душевно здоровые. Они на каком-то этапе решили, что им подвластно все. ... Это лидеры, следующие к своей цели, так как убеждены в истинности своих идеалов. Эти герои ничем не выделялись, но их скрытую, туманную и непредсказуемую силу.

Разбираемые образы лирических героев рассказа «Два тополя» И. Минтяка, представлены в триединстве: как литературные герои, близкая автору природа и реальные исторические события. Иначе в послевоенной жизни человек вновь учится жить и быть счастливым. Жизнь после страданий героев рассказа «Два тополя» награждает счастьем.

Вслушавшись в микроэлементы эпох, автор определил гармонию новой культуры, при которой рождается новая трагедия духа. Это не авторский ригоризм и интроспекции пессимизма, а форма гипотезы о ноократии и медленно грядущем мессианизме, в канун миллениума. Значит, концепция автора соответствует мировоззренческим убеждениям реальности, состоящей из антагонистичных компонентов: зримой сочетаемости противоположных ориентаций с преобладанием оригинального образного мышления.

Произведение И. Минтяка было тепло встречено широкой читательской аудиторией: «Тема больших стихов и поэм И. Минтяка — Чечня, ее неповторимая природа, лирические герои — трудолюбивые, мудрые, преданные в любви и дружбе люди; источник вдохновения — природа и народная мудрость ... Многие его поэмы и стихи созданы или по мотивам чеченского фольклора «Созвездие Веры», «Два дома у околицы», «Немой», «Осенний романс». Эти произведения были посвящены известным на всю республику и страну М. Эсамбаеву, А. Шахбулатову и др. Словом, поэт жил одной жизнью с чеченским народом, любил его и был ему «без лести предан». [7, с. 314]

Более того, по воспоминаниям его современников, соответствовал собственным заветам:

*Как ни крути,
Кем ни пытайся зваться,
Но сводится к единому игра:
От колоса —
Должно зерно остаться,
От человека —
Свет его добра...*

И. Минтяк

ЛИТЕРАТУРА

1. Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М., 1992. С. 99.
2. Кацаев С–Х. Писатель и война. (Эссе) // Вайнах. № 5. 2003. С. 31.
3. Кремер Е. Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности): дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2009. — 204 с.
4. Мечников И. И. Этюды оптимизма. Пессимизм и оптимизм. Главная редакция литературы на иностранных языках. Издательство «Наука», М.: 1988. С. 228.
5. Минтяк И. «Два тополя». 16 августа 1969: Комсомольское племя. С
6. Твардовский А. Выступление на XI пленуме Союза советских писателей // Литературная газета. — 1947. — 12 июля. — С. 3.
7. Туркаев Х., Кусаев А. Писатели Чечни. — Грозный, 2005. — С. 314.
8. Храпченко М. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. Художественное творчество. — М., 1982. — С. 222.
9. Шаззо К. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. — Тбилиси, 1978. — 237 с.
10. Шарипов А. Р. Формирование национального самосознания диссертация к. филос. наук. — Уфа, 2000. — 166 с.

© Татаева Ровзан Бовкиевна (liza.tataeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Чеченский государственный педагогический университет